

Роман Всеволодов — писатель молодой, но уже давно не нуждающийся ни в каких предисловиях. Тем не менее, мне все же захотелось сказать несколько слов о его новой повести «Прозрение». Впрочем, повесть можно назвать романом, но это не меняет отношения к данному произведению.

Главный герой повести, художник Яков прочитал в детстве «удивительную книгу Пришвина «В краю непуганых птиц». О чувствах, испытанных Яковым при чтении этой книги, Р. Всеволодов пишет: «Есть книги, от которых веет теплом. Переворачиваемые трепетными пальцами страницы — словно поленья в камине. Уютный огонь слов нежит душу». Да, есть такие книги.

Повесть Романа Всеволодова — не из них. Она скорее обдает холодком, а иногда от нее веет жутким, замогильным холодом. Но когда читаешь ее — не можешь оторваться, и мучаешь себя страницу за страницей.

Для кого же она? Думаю, не для читателей моего весьма преклонного возраста. Для них она слишком необычна, смела, сомнительна и раздражающа. Она написана человеком, отстоящим от изображаемых им событий (война, блокада) более чем на полстолетия и знающим эти события от очевидцев — точно, болево, но все-таки не бывшим свидетелем тех лет. А писать о них, кажется, лучше человеку, прошедшему сквозь этот ад и знающему цену всему всем своим существом.

Против правды и Правды с большой буквы писатель, наверное, ничем не погрешил. Но я, бывший по времени ближе к тем событиям, воспитанный на иной литературе, иной оценке событий, не хочу этой правды. Я предпочитаю правду художественную, а не реальную. Прав ли я? Едва ли.

Роман Всеволодов — писатель новейшего времени, и на многие вещи он смотрит из наших дней, порой, может быть, не считаясь с тем, как это воспринимали современники описываемых им событий.

И повесть его адресована прежде всего современнику, молодому читателю, не знающему ни блокады, ни многих условий жизни советского человека до войны, во время ее, и после. Но, несомненно, он имеет право на свой взгляд.

И, наверное, я бы не принял той реальной жизни, которой наполнена повесть, если бы не главный герой ее — Яков, художник, пронесший сквозь всю свою жизнь поиск какого-то высшего прозрения, оправдывающего все его земное существование, со всеми его тяготами, трагедиями и светом — божественным светом, придающим жизни человека высокий смысл.

Читайте эту повесть, и вы согласитесь со мной.

Виктор Кречетов
член Союза писателей России